

**ТАШКЕНТСКИЙ ИНСТИТУТ ТЕКСТИЛЬНОЙ И ЛЕГКОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ**

КАФЕДРА ЯЗЫКОВ

РЕФЕРАТ

НА ТЕМУ: Иван Сергеевич Тургенев 1818 – 1883

ВЫПОЛНИЛ(а): АЗИМОВА А

Группы: 22-16

ПРИНЯЛА: МУМИНОВА Н.А

ТАШКЕНТ – 2016 г.

ПЛАН:

1. Жизнь и деятельность И.В.Тургенева.
2. Повесть лишнего человека.
3. Заключение .

Иван Сергеевич Тургенев 1818 – 1883

Дневник лишнего человека Повесть (1848 - 1850)

Мысль начать дневник пришла Челкатурину 20 марта. Доктор признался наконец, что жить его пациенту недели две. Скоро вскроются реки. Вместе с последним снегом унесут они и его жизнь.

Кому поведать в последний час свои невеселые мысли? Рядом только старая и недалекая Терентьевна. Надо рассказать хотя бы себе собственную жизнь, попытаться понять, зачем прожиты тридцать лет.

Родители Челкатурина были довольно богатые помещики. Но отец, страстный игрок, быстро спустил все, и у них осталась только деревенька Овечьи Воды, где теперь в жалком домишке умирал от чахотки их сын.

Мать была дама с характером и подавляющей гордой добродетелью. Она переносила семейное несчастье стойчески, но в ее смирении была какая-то нарочитость и упрек окружающим. Мальчик чуждался ее, страстно любил отца, рос «дурно и невесело». Детские годы почти не оставили светлых воспоминаний.

Москва, куда переехали после смерти отца, не прибавила впечатлений. Родительский дом, университет, жизнь мелкого чиновника, немногие знакомые, «чистенькая бедность, смиренные занятия, умеренные желания». Стоит ли рассказывать такую жизнь? Жизнь совершенно лишнего на свете человека. Челкатурину самому нравится это слово. Никакое другое не передает так полно сути его.

Лучше всего точность выбранного определения собственной личности и судьбы мог бы подтвердить один эпизод его жизни. Как-то пришлось ему провести месяцев шесть в уездном городе О., где он сошелся с одним из главных чиновников уезда, Кириллом Матвеевичем Ожоговым, имевшим душ четыреста и принимавшим у себя лучшее общество города. Он был женат, и у него была дочь Елизавета Кирилловна, очень недурная собой, живая и кроткого нрава. В нее и влюбился молодой человек, вообще-то с женщинами очень неловкий, но здесь как-то нашедшийся и «расцветший душой». Три недели он был счастлив своей влюбленностью, возможностью бывать в доме, где чувствовалось тепло нормальных семейных отношений.

Лиза не была влюблена в своего почитателя, но принимала его общество. Однажды мать Лизы, мелкий чиновник Безменков, сама Лиза и Челкатурин отправились в рощу за городом. Молодые люди наслаждались тихим вечером, открывающимися с обрыва далями и багряным закатом. Близость влюбленного в нее человека, красота окружающего, ощущение полноты бытия пробудили в семнадцатилетней девушке «тихое

брожение, которое предшествует превращению ребенка в женщину». И Челкатурин был свидетелем этой перемены. Стоя над обрывом, пораженная и глубоко тронутая открывшейся ей красотой, она вдруг заплакала, потом долго была смущена и большей частью молчала. В ней совершился перелом, «она тоже начала ждать чего-то». Влюбленный юноша отнес эту перемену на свой счет: «Несчастье людей одиноких и робких — от самолюбия робких — состоит именно в том, что они, имея глаза... ничего не видят...»

Между тем в городе, а потом и у Ожогиных появился стройный, высокий военный — князь Н. Он приехал из Петербурга принять рекрутов. Челкатурин почувствовал неприязненное чувство робкого темного москвича к блестящему столичному офицеру, хорошему собой, ловкому и самоуверенному.

Безотчетная неприязнь переросла в тревогу, а потом и в отчаяние, когда, оставшись один в зале ожогинского дома, молодой человек принялся разглядывать в зеркало свой неопределенных очертаний нос и вдруг увидел в стекле, как тихо вошла Лиза, но, увидев своего обожателя, осторожно выскользнула прочь. Она явно не хотела встречи с ним.

Челкатурин вернулся на следующий день к Ожогиным тем же мнительным, натянутым человеком, каким был с детства и от которого начал было избавляться под влиянием чувства. Собравшееся в гостиной семейство было в наилучшем расположении духа. Князь Н. пробыл у них вчера целый вечер. Услышав это, наш герой надулся и принял вид оскорбленного, чтобы наказать Лизу своей немилостью.

Но тут вновь явился князь, и по румянцу, по тому, как заблестели глаза Лизы, стало ясно, что она страстно влюбилась в него. Девушка до сих пор и во сне не видела ничего хоть немного похожего на блестящего, умного, веселого аристократа. И он полюбил ее — отчасти от нечего делать, отчасти по привычке кружить женщинам голову.

По постоянно напряженной улыбке, надменной молчаливости, за которыми виднелась ревность, зависть, чувство собственного ничтожества, бессильная злость, князь понял, что имеет дело с устранным соперником. Поэтому был с ним вежлив и мягок.

Окружающим тоже был ясен смысл происходящего, и Челкатурина щадили, как больного. Поведение его становилось все более неестественным и напряженным. Князь же очаровал всех и умением никого не обойти вниманием, и искусством светской беседы, и игрой на фортепиано, и талантом рисовальщика.

Между тем в один из летних дней уездный предводитель давал бал. Собрался «весь уезд». И всё, увы, вертелось вокруг своего солнца — князя. Лиза чувствовала себя царицей бала и любимой. На отвергнутого, не замечаемого даже сорокавосемилетними девицами с красными прыщами на лбу Челкатурина никто не обращал внимания. А он следил за счастливой парой, умирал от ревности, одиночества, унижения и взорвался, назвав князя пустым петербургским выскочкой.

Дуэль состоялась в той самой роще, почти у того самого обрыва. Челкатурин легко ранил князя. Тот выстрелил в воздух, окончательно втоптал в землю соперника. Дом Ожогиных закрылся для него. На князя же стали смотреть как на жениха. Но тот скоро уехал, так и не сделав предложения. Лиза перенесла удар стоически. Челкатурин убедился в этом, случайно подслушав ее разговор с Безменковым. Да, она знает, что все бросают в нее сейчас камни, но она не променяет своего несчастья на их счастье. Князь недолго любил ее, но — любил! И теперь ей остались воспоминания, ими и богата ее жизнь, она счастлива тем, что была любима и любит. Челкатурин же ей противен.

Через две недели Лизавета Кирилловна вышла за Безменкова.

«Ну, скажите теперь, не лишний ли я человек?» — вопрошает автор дневника. Ему горько, что умирает он глухо, глупо. Прощай всё и навсегда, прощай, Лиза!

Г. Г. Животовский

Месяц в деревне Комедия (1850, опубл. 1855)

Появление нового лица в деревне — всегда событие. Когда летом 184... в богатом имении Ислаевых появился новый домашний учитель, уже сложившееся равновесие оказалось некоторым образом нарушенным или, во всяком случае, поколебленным.

С первого же дня полюбил Алексея Николаевича его ученик — десятилетний Коля Ислаев. Учитель смастерил ему лук, ладит воздушного змея, обещает научить плавать. А как ловко лазают он по деревьям!

Это . вам не старый нудный Шааф, преподающий ему немецкий.

Легко и весело с новым учителем и семнадцатилетней воспитаннице Ислаевых Вере: ходили смотреть плотину, ловили белку, долго гуляли, много дурачились. Девятилетняя служанка Катя тоже заметила молодого человека и как-то переменялась к Матвею, ухаживающему за ней.

Но наиболее тонкие процессы произошли в душе хозяйки — Натальи Петровны Ислаевой. Ее Аркадий Сергеевич постоянно занят, вечно что-то строит, усовершенствует, приводит в порядок. Наталье же Петровне чужды и скучны хозяйственные заботы мужа. Скучны и разговоры друга дома Ракитина, Да и вообще, он всегда под рукой, его не надо завоевывать, он совершенно ручной, неопасный: «Наши отношения так чисты, так искренни <...> Мы с вами имеем право

не только Аркадию, но всем прямо в глаза смотреть...» И все-таки подобные отношения не совсем естественны. Его чувство так мирно, оно ее не волнует....

Ракитин беспокоится, что в последнее время Наталья Петровна постоянно не в духе, в ней происходит какая-то перемена. Не по отношению ли к нему? При появлении Алексея Николаевича она явно оживает. Это заметил и Шпигельский, уездный доктор, приехавший помочь Большинцову сосватать Веру. Претенденту сорок восемь лет, неуклюж, неумен, необразован. Наталья Петровна удивлена предложению: Вера так еще молода... Однако, увидев, как Вера шепчет что-то Беляеву и оба смеются, она все же возвращается к разговору о сватовстве.

Все больше беспокоится Ракитин: не начинает ли он надоедать ей? Ничего нет утомительнее невеселого ума. У него нет иллюзий, но он надеялся, что ее спокойное чувство со временем... Да, сейчас его положение довольно смешно. Вот Наталья Петровна поговорила с Беляевым, и сразу в лице живость и веселость, какой никогда не бывало после разговора с ним. Она даже по-дружески признается: этот Беляев произвел на нее довольно сильное впечатление. Но не надо преувеличивать. Этот человек заразил ее своей молодостью — и только.

Наедине с собой она как бы спохватывается: пора прекратить все это. Верины слезы в ответ на предложение Большинцова как будто вернули ей способность видеть себя в истинном свете. Пусть девочка не плачет. О Большинцове нет уже и речи. Но ревность вспыхивает вновь, когда Вера признается, что Беляев нравится ей. Наталье Петровне теперь ясно, кто соперница. «Но погодите, не все еще кончено». И тут же ужасается: что это она делает? Бедную девочку хочет замуж выдать за старика. Неужели она ревнует к Вере? Да что она, влюблена, что ли? Ну да, влюблена! Впервые. Но пора опомниться. Мишель (Ракитин) должен помочь ей.

Ракитин считает, что надо порекомендовать учителю уехать. Да и он сам уедет. Вдруг появляется Ислаев. Почему это жена, опершись на плечо Ракитина, прижимает платок к глазам? Михаил Александрович готов объяснить, но чуть позже.

Наталья Петровна собирается сама объявить Беляеву о необходимости уехать. Заодно узнает (удержаться невозможно), точно ли ему нравится эта девчонка? Но из разговора с учителем выясняется, что он вовсе не любит Веру и сам готов сказать ей об этом, только вряд ли после этого ему удобно будет оставаться в доме.

Между тем Анна Семеновна, маменька Ислаева, тоже была свидетельницей сцены, пробудившей ревность сына, Лизавета Богдановна сообщает эту новость Шпигельскому, но тот успокаивает: Михайло Александрович никогда не был человеком опасным, у этих умников все язычком выходит, болтовней. Сам же он не таков. Его предложение Лизавете Богдановне походит на предложение деловое, и оно выслушано вполне благосклонно.

Случай объяснить с Верой представился Беляеву быстро. Вере ясно, что он не любит ее и что Наталья Петровна выдала ее тайну. Причина понятна: Наталья Петровна сама влюблена в учителя. Отсюда и попытки выдать ее за Большинцова. К тому же Беляев остается в доме. Видно, Наталья Петровна сама еще на что-то надеется, ведь Вера ей не опасна. Да и Алексей Николаевич, может быть, ее любит. Учитель краснеет, и Вере ясно, что она не ошиблась. Это свое открытие девушка преподносит Наталье Петровне. Она уже не кроткая молоденькая воспитанница, а оскорбленная в своем чувстве женщина.

Сопернице вновь стыдно своих поступков. Пора перестать хитрить. Решено: с Беляевым они видятся в последний раз. Она сообщает ему об этом, но при этом признается, что любит его, что ревновала к Вере, мысленно выдавала ее за Большинцова, хитростью выведала ее тайну.

Беляев поражен признанием женщины, которую почитал за существо высшее, так что теперь он не может заставить себя уехать. Нет, Наталья Петровна непреклонна: они расстанутся навсегда. Беляев подчиняется: да, надо уехать, и завтра же. Он прощается и хочет уйти, услышав же тихое «останьтесь», простирает к ней руки, но тут появляется Ракитин: что Наталья Петровна решила насчет Беляева? Ничего. Их разговор следует позабыть, все кончено, все прошло. Прошло? Ракитин видел, как Беляев смешался, убежал...

Появление Ислаева делает положение еще более пикантным: «Что это? Продолжение сегодняшнего объяснения?» Он не скрывает недовольства и тревоги. Пусть Мишель расскажет об их с Наташей разговоре. Замешательство Ракитина заставляет его спросить напрямую, любит ли он его жену? Любит? Так что же делать? Мишель собирается уехать... Что ж, придумано верно. Но он ведь ненадолго уедет, его ведь здесь и заменить некому. В этот момент появляется Беляев, и Михаил Александрович сообщает ему, что уезжает: для покоя друзей порядочный человек должен чем-то и жертвовать. И Алексей Николаевич поступил бы так же, не правда ли?

Тем временем Наталья Петровна упрасивает Веру простить ее, становится перед ней на колени. Но той трудно преодолеть неприязнь к сопернице, которая добра и мягка только потому, что чувствует себя любимой. И Вера должна оставаться у нее в доме! Ни за что, ей не снести ее улыбки, она не может видеть, как Наталья Петровна нежится в своем счастье. Девушка обращается к Шпигельскому: точно ли Большинцов хороший и незлой человек. Доктор ручается, что отличнейший, честнейший и добрейший. (Его красноречие понятно. За Верино согласие обещана ему тройка лошадей.) Что ж, тогда Вера просит передать, что принимает предложение. Когда Беляев приходит проститься, Вера в ответ на его объяснения, почему ему никак нельзя оставаться в доме, говорит, что она сама недолго останется здесь и мешать никому не будет.

Через минуту после ухода Беляева она становится свидетельницей отчаяния и гнева соперницы: он даже не хотел проститься... Кто ему позволил так глупо перервать... Это презрение, наконец... Почему он знает, что она никогда бы не решилась... Теперь они обе с Верой равны...

В голосе и во взгляде Натальи Петровны ненависть, и Вера пытается успокоить ее, сообщив, что недолго будет тяготить благодетельницу своим присутствием. Им вместе жить нельзя. Наталья Петровна, впрочем, опять уже опомнилась. Неужели Верочка хочет ее оставить? А ведь они обе спасены теперь... Все опять пришло в порядок.

Ислаев, застав жену в расстройстве, упрекает Ракитина за то, что тот не подготовил Наташу. Надо было не так вдруг объявить о своем отъезде. А понимает ли Наташа, что Михаил Александрович — один из лучших людей? Да, она знает, что он прекрасный человек и все они прекрасные люди... И между тем... Не договорив, Наталья Петровна выбегает, закрывая лицо руками. Ракитину особенно горько такое прощание, но поделом болтуну, да и все к лучшему — пора было прекратить эти болезненные, эти чахоточные отношения. Однако время ехать. У Ислаева на глазах слезы: «А все-таки... спасибо тебе! Ты — друг, точно!» Но конца сюрпризам будто не предвидится. Пропал куда-то Алексей Николаевич. Ракитин объясняет причину: Верочка влюбилась в учителя, и тот, как честный человек...

У Ислаева, естественно, голова кругом. Все улепетывают, а всё потому, что честные люди. Анна Семеновна недоумевает еще больше. Уехал Беляев, уезжает Ракитин, даже доктор, даже Шпигельский, заторопился к больным. Снова рядом останутся только Шаф да Лизавета Богдановна. Что она, кстати, думает обо всей этой истории? Компаньонка вздыхает, опускает глаза: «...Может быть, и мне недолго придется здесь остаться... И я уезжаю».

Г. Г. Животовский

Рудин Роман (1855)

В деревенском доме Дарьи Михайловны Ласунской, знатной и богатой помещицы, бывшей красавицы и столичной львицы, которая и вдали от цивилизации все еще организует у себя салон, ждут некоего барона, эрудита и знатока философии, обещавшего познакомить со своими научными изысканиями.

Ласунская занимает разговором собравшихся. Это — Пигасов, человек небогатый и настроенный на цинический лад (его конек — нападки на женщин), секретарь хозяйки Пандалевский, домашний учитель младших детей Ласунской Басистов, только что окончивший университет, отставной штабс-ротмистр Вольнцев со своей сестрой, обеспеченной молодой вдовой Липиной, и дочь Ласунской — совсем еще юная Наталья.

Вместо ожидаемой знаменитости приезжает Дмитрий Николаевич Рудин, которому барон поручил доставить свою статью. Рудину лет тридцать пять, одет он вполне заурядно; у него неправильное, но выразительное и умное лицо.

Поначалу все чувствуют себя несколько скованно, общий разговор плохо налаживается. Оживляет беседу Пигасов, по своему обыкновению нападающий на «высокие материи», на абстрактные истины, что зиждутся на убеждениях, а последние, считает Пигасов, вообще не существуют.

Рудин осведомляется у Пигасова, убежден ли он в том, что убеждений не существует? Пигасов стоит на своем. Тогда новый гость спрашивает: «Как же вы говорите, что их нет? Вот вам уже одно на первый случай».

Рудин очаровывает всех своей эрудицией, оригинальностью и логичностью мышления. Басистов и Наталья слушают Рудина, затаив дыхание. Дарья Михайловна начинает обдумывать, как она выведет свое новое «приобретение» в свет. Один Пигасов недоволен и дуется.

Рудина просят рассказать о его студенческих годах, прошедших в Гейдельберге. В его повествовании недостает красок, и Рудин, видимо, сознавая это, вскоре переходит к общим расхождениям — и тут он вновь покоряет слушателей, поскольку «владел едва ли не высшей музыкой красноречия».

Дарья Михайловна уговаривает Рудина остаться ночевать. Остальные живут неподалеку и отправляются по домам, обсуждая выдающиеся дарования нового знакомого, а Басистов и Наталья под впечатлением его речей не могут заснуть до утра.

Утром Ласунская начинает всячески ухаживать за Рудиным, которого она твердо решила сделать украшением своего салона, обсуждает с ним достоинства и недостатки своего деревенского окружения, при этом выясняется, что Михайло Михайлыч Лежнев, сосед Ласунской, давно и хорошо известен также и Рудину.

И в этот момент слуга докладывает о приезде Лежнева, навестившего Ласунскую по незначительному хозяйственному поводу.

Встреча старых приятелей протекает довольно холодно. После того как Лежнев откланивается, Рудин говорит Ласунской, что ее сосед только носит маску оригинальности, чтобы скрыть отсутствие талантов и воли.

Спустившись в сад, Рудин встречает Наталью и затевает с ней разговор; он говорит горячо, убедительно, говорит о позоре малодушия и лени, о необходимости каждому заниматься делом. Рудинское одушевление действует на девушку, но не нравится Волынцеву, равнодушному к Наталье.

Лежнев в компании Волынцева и его сестры вспоминает студенческие годы, когда он был близок с Рудиным. Подбор фактов из биографии Рудина не по душе Липиной, и Лежнев не заканчивает повествования, обещая в другой раз рассказать о Рудине больше.

За два месяца, что Рудин проводит у Ласунской, он становится ей просто необходим. Привыкшая вращаться в кругу людей остроумных и изысканных, Дарья Михайловна находит, что Рудин может затмить любого столичного витию. Она восхищается его речами, однако в практических вопросах по-прежнему руководствуется советами своего управляющего.

Все в доме стараются исполнить малейшую прихоть Рудина; особенно благоговеет перед ним Басистов, тогда как общий любимец почти не замечает молодого человека.

Дважды изъявляет Рудин намерение покинуть гостеприимный дом Ласунской, ссылаясь на то, что у него все деньги вышли, но... занял у хозяйки и Волынцева — и остался.

Чаще всего беседует Рудин с Натальей, которая жадно внимает его монологам. Под влиянием рудинских идей и у нее самой появляются новые светлые мысли, в ней разгорается «святая искра восторга».

Затрагивает Рудин и тему любви. По его словам, в настоящее время нет людей, дерзающих любить сильно и страстно. Рудин своими словами проникает в самую душу девушки, и она долго размышляет над услышанным, а потом вдруг разражается горькими слезами.

Липина снова допытывается у Лежнева, что же собою представляет Рудин: Без особой охоты тот характеризует бывшего друга, и характеристика эта далеко не лестна. Рудин, говорит Лежнев, не очень сведущ, любит разыграть роль оракула и пожить за чужой счет, но главная его беда в том, что, воспламеняя других, сам он остается холоден, как лед, нимало не помышляя о том, что его слова «могут смутить, погубить молодое сердце».

И действительно, Рудин продолжает выращивать цветы своего красноречия перед Натальей. Не без кокетства говорит он о себе как о человеке, для которого любовь уже не существует, указывает девушке, что ей следует остановить свой выбор на Волынцеве. Как на грех, нечаянным свидетелем их оживленной беседы становится именно Волынцев — и ему это крайне тяжело и неприятно.

Между тем Рудин, подобно неопытному юноше, стремится форсировать события. Он признается Наталье в любви и от нее добивается такого же признания. После объяснения Рудин начинает внушать самому себе, что теперь он наконец-то счастлив.

Не зная, как ему поступить, Волынцев в самом мрачном расположении духа уединяется у себя. Совершенно неожиданно перед ним возникает Рудин и объявляет, что он любит Наталью и любим ею. Раздраженный и недоумевающий Волынцев спрашивает гостя: для чего тот все это сообщает?

Тут Рудин пускается в длинные и цветистые разъяснения мотивов своего визита. Он желал добиться взаимопонимания, хотел быть откровенным... Теряющий над собой контроль Волынцев резко отвечает, что он совершенно не напрашивался на доверие и его тяготит излишняя откровенность Рудина.

Сам инициатор этой сцены тоже расстроен и винит себя в опрометчивости, которая ничего, кроме дерзости со стороны Волынцева, не принесла.

Наталья назначает Рудину свидание в уединенном месте, где никто бы не смог увидеть их. Девушка говорит, что она во всем призналась матери, а та снисходительно объяснила дочери, что ее брак с Рудиным совершенно невозможен. Что же теперь намерен предпринять ее избранник?

Растерянный Рудин в свою очередь осведомляется: что обо всем этом думает сама Наталья и как она намерена поступить? И почти сразу же приходит к выводу: необходимо покориться судьбе. Даже будь он богат, рассуждает Рудин, сумеет ли Наталья перенести «насильственное расторжение» с семьей, устроить свою жизнь вопреки воле матери?

Такое малодушие поражает девушку в самое сердце. Она собиралась пойти на любые жертвы во имя своей любви, а ее любимый струсил при первом же препятствии! Рудин пытается хоть как-то смягчить удар с помощью новых увещеваний, но Наталья уже не слышит его и уходит. И тогда Рудин кричит ей вослед: «Вы трусите, а не я!»

Оставшись один, Рудин долго стоит на месте и перебирает свои ощущения, признаваясь себе, что в этой сцене он был ничтожен.

Оскорбленный откровениями Рудина, Волынцев решает, что он просто обязан при таких обстоятельствах вызвать Рудина на дуэль, однако его намерению не дано осуществиться, так как приходит письмо от Рудина. Рудин многословно сообщает, что не намерен оправдываться (содержание письма как раз убеждает в обратном), и уведомляет о своем отъезде «навсегда».

При отъезде Рудин чувствует себя скверно: получается, будто его выгоняют, хотя все приличия и соблюдены. Провожавшему его Басистову Рудин по привычке начинает излагать свои мысли о свободе и достоинстве, и говорит так образно, что у молодого человека проступают на глазах слезы. Плачет и сам Рудин, но это — «самолюбивые слезы».

Проходит два года. Лежнев и Липина стали благополучной семейной парой, обзавелись краснощеким младенцем. Они принимают у себя Пигасова и Басистова. Басистое сообщает радостную весть: Наталья согласилась выйти замуж за Волынцева. Затем разговор переключается на Рудина. О нем мало что известно. Рудин последнее время проживал в Симбирске, но уже перебрался оттуда в другое место.

А в тот же самый майский день Рудин тащится в плохонькой кибитке по проселочной дороге. На почтовой станции ему объявляют, что в нужном Рудину направлении лошадей нет и неизвестно, когда будут, правда, можно уехать в другую сторону. После некоторого размышления Рудин грустно соглашается: «Мне все равно: поеду в Тамбов».

Еще через несколько лет в губернской гостинице происходит негаданная встреча Рудина и Лежнева. Рудин рассказывает о себе. Он переменял немало мест и занятий. Был чем-то вроде домашнего секретаря при богатом помещике, занимался мелиорацией, преподавал русскую словесность в гимназии... И везде потерпел неудачу, стал даже побаиваться своей несчастливой судьбы.

Размышляя над жизнью Рудина, Лежнев не утешает его. Он говорит о своем уважении к старому товарищу, который своими страстными речами, любовью к истине, быть может, исполняет «высшее назначение».

26 июля 1848 г. в Париже, когда восстание «национальных мастерских» уже было подавлено, на баррикаде возникает фигура высокого седого человека с саблей и красным знаменем в руках. Пуля прерывает его призывный крик.

«Поляка убили!» — такова эпитафия, произнесенная на бегу одним из последних защитников баррикады. «Черт возьми!» — отвечает ему другой. *Этим «поляком» был Дмитрий Рудин.*

В. П. Мещеряков

Ася Повесть (1858)

Н. Н., немолодой светский человек, вспоминает историю, которая приключилась, когда ему было лет двадцать пять. Н. Н. тогда путешествовал без цели и без плана и на пути своем остановился в тихом немецком городке З. Однажды Н. Н., придя на студенческую вечеринку, познакомился в толпе с двумя русскими — молодым художником, назвавшимся Гагиным, и его сестрой Анной, которую Гагин называл Асей. Н. Н. избегал русских за границей, но новый знакомый ему понравился сразу. Гагин пригласил Н. Н. к себе домой, на квартиру, в которой они с сестрой остановились. Н. Н. был очарован своими новыми друзьями. Ася сначала дичилась Н. Н., но скоро уже сама заговаривала с ним. Наступил вечер, пришла пора ехать домой. Уезжая от Гагиных, Н. Н. почувствовал себя счастливым.

Прошло много дней. Шалости Аси были разнообразны, каждый день она представлялась новой, другой — то благовоспитанной барышней, то шаловливым ребенком, то простенькой девочкой. Н. Н. регулярно навещал Гагиных. Какое-то время спустя Ася перестала шалить, выглядела огорченной, избегала Н. Н. Гагин обращался с ней ласково-снисходительно, а в Н. Н. крепло подозрение, что Гагин — не брат Аси. Странный случай подтвердил его подозрения. Однажды Н. Н. случайно подслушал разговор Гагиных, в котором Ася говорила Гагину, что любит его и никого другого не хочет любить. Н. Н. было очень горько.

Несколько следующих дней Н. Н. провел на природе, избегая Гагиных. Но через несколько дней он нашел дома записку от Гагина, который просил его прийти. Гагин встретил Н. Н. по-приятельски, но Ася, увидев гостя, расхохоталась и убежала. Тогда Гагин рассказал другу историю своей сестры.

Родители Гагина жили в своей деревне. После смерти матери Гагина его отец воспитывал сына сам. Но однажды приехал дядя Гагина, который решил, что мальчик должен учиться в Петербурге. Отец противился, но уступил, и Гагин поступил в школу, а затем в гвардейский полк. Гагин часто приезжал и однажды, уже лет в двадцать, увидел в своем доме маленькую девочку Асю, но не обратил на нее никакого внимания, услышав от отца, что она сирота и взята им «на прокормление».

Гагин долго не был у отца и лишь получал от него письма, как вдруг однажды пришло известие о его смертельной болезни. Гагин приехал и застал отца умирающим. Тот завещал сыну заботиться о своей дочери, сестре Гагина — Асе. Скоро отец умер, а слуга рассказал Гагину, что Ася — дочь отца Гагина и горничной Татьяны. Отец Гагина очень привязался к Татьяне и даже хотел на ней жениться, но Татьяна не считала себя барыней и жила у своей сестры вместе с Асей. Когда Асе было девять лет, она лишилась матери. Отец взял ее в дом и воспитывал сам. Она стыдилась своего происхождения и поначалу боялась Гагина, но потом его полюбила. Тот тоже к ней привязался, привез ее в Петербург и, как ему ни было горько это делать, отдал в пансион. Там у нее не было подруг, барышни ее не любили, но теперь ей семнадцать, она закончила учиться, и они вместе поехали за границу. И вот... она шалит и дурачится по-прежнему...

После рассказа Гагина Н. Н. стало легко. Ася, встретившая их в комнате, внезапно попросила Гагина сыграть им вальс, и Н. Н. и Ася долго танцевали. Ася вальсировала прекрасно, и Н. Н. долго потом вспоминал этот танец.

Весь следующий день Гагин, Н. Н. и Ася были вместе и веселились, как дети, но через день Ася была бледна, она сказала, что думает о своей смерти. Все, кроме Гагина, были грустны.

Однажды Н. Н. принесли записку от Аси, в которой она просила его прийти. Скоро к Н. Н. пришел Гагин и сказал, что Ася влюблена в Н. Н. Вчера весь вечер ее била лихорадка, она ничего не ела, плакала и призналась, что любит Н. Н. Она желает уехать...

Н. Н. рассказал другу о записке, которую прислала ему Ася. Гагин понимал, что его друг не женится на Асе, поэтому они договорились, что Н. Н. честно с ней объяснится, а Гагин будет сидеть дома и не подавать виду, что знает о записке.

Гагин ушел, а у Н. Н. голова шла кругом. Другая записка известила Н. Н. о перемене места их с Асей

встречи. Придя в назначенное место, он увидел хозяйку, фрау Луизе, которая и провела его в комнату, где ожидала Ася.

Ася дрожала. Н. Н. обнял ее, но тут же вспомнил о Гагине и стал обвинять Асю в том, что она все рассказала брату. Ася слушала его речи и вдруг зарыдала. Н. Н. растерялся, а она бросилась к двери и исчезла.

Н. Н. метался по городу в поисках Аси. Его грызла досада на себя. Подумав, он направился к дому Гагиных. Навстречу ему вышел Гагин, обеспокоенный тем, что Аси все нет. Н. Н. искал Асю по всему городу, он сто раз повторял, что любит ее, но нигде не мог ее найти. Однако, подойдя к дому Гагиных, он увидел свет в Асиной комнате и успокоился. Он принял твердое решение — завтра идти и просить Асиной руки. Н. Н. был снова счастлив.

На другой день Н. Н. увидел у дома служанку, которая сказала, что хозяева уехали, и передала ему записку Гагина, где тот писал, что убежден в необходимости разлуки. Когда Н. Н. шел мимо дома фрау Луизе, она передала ему записку от Аси, где та писала, что если бы Н. Н. сказал одно слово — она бы осталась. Но, видно, так лучше...

Н. Н. всюду искал Гагиных, но не нашел. Он знал многих жен-шин, но чувство, разбуженное в нем Асей, не повторилось больше никогда. Тоска по ней осталась у Н. Н. на всю жизнь.

М. Л. Соболева

Дворянское гнездо Роман (1858)

Первым, как водится, весть о возвращении Лаврецкого принес в дом Калитиных Гедеоновский. Мария Дмитриевна, вдова бывшего губернского прокурора, в свои пятьдесят лет сохранившая в чертах известную приятность, благоволит к нему, да и дом ее из приятнейших в городе О... Зато Марфа Тимофеевна Пестова, семидесятилетняя сестра отца Марии Дмитриевны, не жалуется Гедеоновского за склонность присочинять и болтливость. Да что взять — попович, хотя и статский советник.

Впрочем, Марфе Тимофеевне угодить вообще мудрено. Вот ведь не жалуется она и Паншина — всеобщего любимца, завидного жениха, первого кавалера. Владимир Николаевич играет на фортепиано, сочиняет романсы на собственные же слова, неплохо рисует, декламирует. Он вполне светский человек, образован и ловок. Вообще же, он петербургский чиновник по особым поручениям, камер-юнкер, прибывший в О... с каким-то заданием. У Калитиных он бывает ради Лизы, девятнадцатилетней дочери Марии Дмитриевны. И, похоже, намерения его серьезные. Но Марфа Тимофеевна уверена: не такого мужа стоит ее любимица. Невысоко ставит Паншина и Лизин учитель музыки Христофор Федорович Лемм, немолодой, непривлекательный и не очень удачливый немец, тайно влюбленный в свою ученицу.

Прибытие из-за границы Федора Ивановича Лаврецкого — событие для города заметное. История его переходит из уст в уста. В Париже он случайно уличил жену в измене. Более того, после разрыва красавица Варвара Павловна получила скандальную европейскую известность.

Обитателям калитинского дома, впрочем, не показалось, что он выглядит как жертва. От него по-прежнему веет степным здоровьем, долговечной силой. Только в глазах видна усталость.

Вообще-то Федор Иванович крепкой породы. Его прадед был человеком жестким, дерзким, умным и лукавым. Прабабка, вспыльчивая, мстительная цыганка, ни в чем не уступала мужу. Дед Петр, правда, был уже простой степной барин. Его сын Иван (отец Федора Ивановича) воспитывался, однако, французом, поклонником Жан Жака Руссо: так распорядилась тетка, у которой он жил. (Сестра его Глафира росла при родителях.) Премудрость XVIII в. наставник влил в его голову целиком, где она и пребывала, не смешавшись с кровью, не проникнув в душу.

По возвращении к родителям Ивану показалось грязно и дико в родном доме. Это не помешало ему обратить внимание на горничную матушки Маланью, очень хорошенькую, умную и кроткую девушку. Разразился скандал: Ивана отец лишил наследства, а девку приказал отправить в дальнюю деревню. Иван Петрович отбил по дороге Маланью и обвенчался с нею. Пристроив молодую жену у родственников Пестовых, Дмитрия Тимофеевича и Марфы Тимофеевны, сам отправился в Петербург, а потом за границу. В деревне Пестовых и родился 20 августа 1807 г. Федор. Прошел почти год, прежде чем Маланья Сергеевна смогла появиться с сыном у Лаврецких. Да и то потому только, что мать Ивана перед смертью просила за сына и невестку сурового Петра Андреевича.

Счастливым отец младенца окончательно вернулся в Россию лишь через двенадцать лет. Маланья Сергеевна к этому времени умерла, и мальчика воспитывала тетка Глафира Андреевна, некрасивая, завистливая, недобрая и властная. Федю отняли у матери и передали Глафире еще при ее жизни. Он видел мать не каждый день и любил ее страстно, но смутно чувствовал, что между ним и ею существовала нерушимая преграда. Тетку Федя боялся, не смел пикнуть при ней.

Вернувшись, Иван Петрович сам занялся воспитанием сына. Одел его по-шотландски и нанял ему швейцара. Гимнастика, естественные науки, международное право, математика, столярное ремесло и геральдика составили стержень воспитательной системы. Будили мальчика в четыре утра; окатив холодной водой, заставляли бегать вокруг столба на веревке; кормили раз в день; учили ездить верхом и стрелять из арбалета. Когда Феде минуло шестнадцать лет, отец стал воспитывать в нем презрение к женщинам.

Через несколько лет, схоронив отца, Лаврецкий отправился в Москву и в двадцать три года поступил в университет. Странное воспитание дало свои плоды. Он не умел сойтись с людьми, ни одной женщине не смел взглянуть в глаза. Сошелся он только с Михалевичем, энтузиастом и стихотворцем. Этот-то Михалевич и познакомил друга с семейством красавицы Варвары Павловны Коробьиной. Двадцатишестилетний ребенок лишь теперь понял, для чего стоит жить. Варенька была очаровательна, умна и порядочно образованна, могла поговорить о театре, играла на фортепиано.

Через полгода молодые прибыли в Лаврики. Университет был оставлен (не за студента же выходить замуж), и началась счастливая жизнь. Глафира была удалена, и на место управительницы прибыл генерал Коробьин, папенька Варвары Павловны; а чета укатила в Петербург, где у них родился сын, скоро умерший. По совету врачей они отправились за границу и осели в Париже. Варвара Павловна мгновенно обжилась здесь и стала блистать в обществе. Скоро, однако, в руки Лаврецкого попала любовная записка, адресованная жене, которой он так слепо доверял. Сначала его охватило бешенство, желание убить обоих («прадед мой мужиков за ребра вешал»), но потом, распорядившись письмом о ежегодном денежном содержании жене и о выезде генерала Коробьина из имения, отправился в Италию. Газеты тиражировали дурные слухи о жене. Из них же узнал, что у него родилась дочь. Появилось равнодушие ко всему. И все же через четыре года захотелось вернуться домой, в город О..., но поселиться в Лавриках, где они с Варей провели первые счастливые дни, он не захотел.

Лиза с первой же встречи обратила на себя его внимание. Заметил он около нее и Паншина. Мария Дмитриевна не скрыла, что камер-юнкер без ума от ее дочери. Марфа же Тимофеевна, правда, по-прежнему считала, что Лизе за Паншиным не быть.

В Васильевском Лаврецкий осмотрел дом, сад с прудом: усадьба успела одичать. Тишина неспешной уединенной жизни обступила его. И какая сила, какое здоровье было в этой бездейственной тишине. Дни шли однообразно, но он не скучал: занимался хозяйством, ездил верхом, читал.

Недели через три поехал в О... к Калитиным. Застал у них Лемма. Вечером, отправившись проводить его, задержался у него. Старик был тронут и признался, что пишет музыку, кое-что сыграл и спел.

В Васильевском разговор о поэзии и музыке незаметно перешел в разговор о Лизе и Паншине. Лемм был категоричен: она его не любит, просто слушается маменьку. Лиза может любить одно прекрасное, а он не прекрасен, т. е. душа его не прекрасна

Лиза и Лаврецкий все больше доверяли друг другу. Не без стеснения спросила она однажды о причинах его разрыва с женой: как же можно разрывать то, что Бог соединил? Вы должны простить. Она уверена, что надо прощать и покоряться. Этому еще в детстве научила ее няня Агафья, рассказывавшая житие пречистой девы, жития святых и отшельников, водившая в церковь. Собственный ее пример воспитывал покорность, кротость и чувство долга.

Неожиданно в Васильевском появился Михалевич. Он постарел, видно было, что не преуспевает, но говорил так же горячо, как в молодости, читал собственные стихи: «...И я сжег все, чему поклонялся,/ Поклонился всему, что сжигал».

Потом друзья долго и громко спорили, обеспокоив продолжавшего гостить Лемма. Нельзя желать только счастья в жизни. Это означает — строить на песке. Нужна вера, а без нее Лаврецкий — жалкий вольтерьянец. Нет веры — нет и откровения, нет понимания, что делать. Нужно чистое, неземное существо, которое исторгнет его из апатии.

После Михалевича прибыли в Васильевское Калитины. Дни прошли радостно и беззаботно. «Я говорю с

ней, словно я не отживший человек», — думал о Лизе Лаврецкой. Провожая верхом их карету, он спросил: «Ведь мы друзья теперь?..» Она кивнула в ответ.

В следующий вечер, просматривая французские журналы и газеты, Федор Иванович наткнулся на сообщение о внезапной кончине царицы модных парижских салонов мадам Лаврецкой. Наутро он уже был у Калитиных. «Что с вами?» — поинтересовалась Лиза. Он передал ей текст сообщения. Теперь он свободен. «Вам не об этом надо думать теперь, а о прощении...» — возразила она и в завершение разговора отплатила таким же доверием: Паншин просит ее руки. Она вовсе не влюблена в него, но готова послушаться маменьку. Лаврецкий упросил Лизу подумать, не выходить замуж без любви, по чувству долга. В тот же вечер Лиза попросила Паншина не торопить ее с ответом и сообщила об этом Лаврецкому. Все последующие дни в ней чувствовалась тайная тревога, она будто даже избегала Лаврецко-го. А его настораживало еще и отсутствие подтверждений о смерти жены. Да и Лиза на вопрос, решила ли она дать ответ Паншину, произнесла, что ничего не знает. Сама себя не знает.

В один из летних вечеров в гостиной Паншин начал упрекать новейшее поколение, говорил, что Россия отстала от Европы (мы даже мышеловки не выдумали). Он говорил красиво, но с тайным озлоблением. Лаврецкий неожиданно стал возражать и разбил противника, доказав невозможность скачков и надменных переделок, требовал признания народной правды и смирения перед нею. Раздраженный Паншин воскликнул; что же тот намерен делать? Пахать землю и стараться как можно лучше ее пахать.

Лиза все время спора была на стороне Лаврецкого. Презрение светского чиновника к России ее оскорбило. Оба они поняли, что любят и не любят одно и то же, а расходятся только в одном, но Лиза втайне надеялась привести его к Богу. Смушение последних дней исчезло.

Все понемногу расходились, и Лаврецкий тихо вышел в ночной сад и сел на скамью. В нижних окнах показался свет. Это со свечой в руке шла Лиза. Он тихо позвал ее и, усадив под липами, проговорил: «...Меня привело сюда... Я люблю вас».

Возвращаясь по заснувшим улицам, полный радостного чувства, он услышал дивные звуки музыки. Он обратился туда, откуда неслись они, и позвал: Лемм! Старик показался в окне и, узнав его, бросил ключ. Давно Лаврецкий не слышал ничего подобного. Он подошел и обнял старика. Тот помолчал, затем улыбнулся и заплакал: «Это я сделал, ибо я великий музыкант».

На другой день Лаврецкий съездил в Васильевское и уже вечером вернулся в город. В передней его встретил запах сильных духов, тут же стояли баулы. Переступив порог гостиной, он увидел жену. Сбивчиво и многословно она стала умолять простить ее, хотя бы ради ни в чем не виноватой перед ним дочери: Ада, проси вместе со мной своего отца. Он предложил ей поселиться в Лавриках, но никогда не рассчитывать на возобновление отношений. Варвара Павловна была сама покорность, но в тот же день посетила Калитиных. Там уже состоялось окончательное объяснение Лизы и Паншина. Мария Дмитриевна была в отчаянии. Варвара Павловна сумела занять, а потом и расположить ее в свою пользу, намекнула, что Федор Иванович не лишил ее окончательно «своего присутствия». Лиза получила записку Лаврецкого, и встреча с его женой не была для нее неожиданностью («Поделом мне»). Она держалась стоически в присутствии женщины, которую когда-то любил «он».

Явился Паншин. Варвара Павловна сразу нашла тон и с ним. Спела романс, поговорила о литературе, о Париже, заняла полусветской, полухудожественной болтовней. Расставаясь, Мария Дмитриевна выразила готовность попытаться примирить ее с мужем.

Лаврецкий вновь появился в калитинском доме, когда получил записку Лизы с приглашением зайти к ним. Он сразу поднялся к Марфе Тимофеевне. Та нашла предлог оставить их с Лизой наедине. Девушка пришла сказать, что им остается исполнить свой долг. Федор Иванович должен помириться с женой. Разве теперь не видит он сам: счастье зависит не от людей, а от Бога.

Когда Лаврецкий спускался вниз, лакей пригласил его к Марье Дмитриевне. Та заговорила о раскаянии его жены, просила простить ее, а потом, предложив принять ее из рук в руки, вывела из-за ширмы Варвару Павловну. Просьбы и уже знакомые сцены повторились. Лаврецкий наконец пообещал, что будет жить с нею под одной крышей, но посчитает договор нарушенным, если она позволит себе выехать из Лавриков.

На следующее утро он отвез жену и дочь в Лаврики и через неделю уехал в Москву. А через день Варвару Павловну навестил Паншин и прогостил три дня.

Через год до Лаврецкого дошла весть, что Лиза постриглась в монастыре, в одном из отдаленных краев

России. По прошествии какого-то времени он посетил этот монастырь. Лиза прошла близко от него — и не взглянула, только ресницы ее чуть дрогнули и еще сильнее сжались пальцы, держащие четки.

А Варвара Павловна очень скоро переехала в Петербург, потом — в Париж. Около нее появился новый поклонник, гвардеец необыкновенной крепости сложения. Она никогда не приглашает его на свои модные вечера, но в остальном он пользуется ее расположением вполне.

Прошло восемь лет. Лаврецкий вновь посетил О... Старшие обитательницы калитинского дома уже умерли, и здесь царствовала молодежь: младшая сестра Лизы, Леночка, и ее жених. Было весело и шумно. Федор Иванович прошелся по всем комнатам. В гостиной стояло то же самое фортепиано, у окна стояли те же самые пальцы, что и тогда. Только обои были другими.

В саду он увидел ту же скамейку и прошелся по той же аллее. Грусть его была томительна, хотя в нем уже совершался тот перелом, без которого нельзя остаться порядочным человеком: он перестал думать о собственном счастье.

Г. Г. Животовский 356

Накануне Роман (1859)

В один из самых жарких дней 1853 г. на берегу Москвы-реки в тени цветущей липы лежали двое молодых людей. Двадцатитрехлетний Андрей Петрович Берсенева только что вышел третьим кандидатом Московского университета, и впереди его ждала ученая карьера. Павел Яковлевич Шубин был скульптором, подававшим надежды. Спор, вполне мирный, касался природы и нашего места в ней. Берсенева поражает полнота и самодостаточность природы, на фоне которых яснее видится наша неполнота, что порождает тревогу, даже грусть. Шубин же предлагает не рефлексировать, а жить. Запасись подругой сердца, и тоска пройдет. Нами движет жажда любви, счастья — и больше ничего. «Да будто нет ничего выше счастья?» — возражает Берсенева. Не эгоистичное ли, не разъединяющее ли это слово. Соединить может искусство, родина, наука, свобода. И любовь, конечно, но не любовь-наслаждение, а любовь-жертва. Однако Шубин не согласен быть номером вторым. Он хочет любить для себя. Нет, настаивает его друг, поставить себя номером вторым — все назначение нашей жизни.

Молодые люди на этом прекратили пиршество ума и, помолчав, продолжили разговор уже об обыденном. Берсенева недавно видел Инсарова. Надо познакомить его с Шубиным и семейством Стаховых. Инсаров? Это тот серб или болгарин, о котором Андрей Петрович уже рассказывал? Патриот? УЖ не он ли внушил ему только что высказанные мысли? Впрочем, пора возвращаться на дачу: опаздывать к обеду не следует. Анна Васильевна Стахова, троюродная тетушка Шубина, будет недовольна, а ведь Павел Васильевич обязан ей самой возможностью заниматься ваянием. Она даже дала деньги на поездку в Италию, да Павел (Поль, как она звала его) потратил их на Малороссию. Вообще семейство презанимательное. И как у подобных родителей могла появиться такая незаурядная дочь, как Елена? Попробуй-ка разгадать эту загадку природы.

Глава семейства, Николай Артемьевич Стахов, сын отставного капитана, смолodu мечтал о выгодной женитьбе. В двадцать пять он осуществил мечту — женился на Анне Васильевне Шубиной, но скоро заскучал, сошелся с вдовой Августиной Христиановной и скучал уже в ее обществе. «Глазеют друг на друга, так глупо...» — рассказывает Шубин. Впрочем, иногда Николай Артемьевич затевает с ней споры: можно ли человеку объездить весь земной шар, или знать, что происходит на дне морском, или предвидеть погоду? И всегда заключал, что нельзя.

Анна Васильевна терпит неверность мужа, и все же больно ей, что он обманом подарил немке пару серых лошадей с ее, Анны Васильевны, завода.

Шубин живет в этом семействе уже лет пять, с момента смерти матери, умной, доброй француженки (отец скончался несколькими годами раньше). Он целиком посвятил себя своему призванию, но трудится хотя и усердно, однако урывками, слышать не хочет об академии и профессорах. В Москве его знают как подающего надежды, но он в свои двадцать шесть лет остается в том же качестве. Ему очень нравится дочь Стаховых Елена Николаевна, но он не упускает случая приволокнуться и за пухленькой семнадцатилетней Зоей, взятой в дом компаньонкой для Елены, которой с ней не о чем говорить. Павел заглазно называет ее сладковатой немочкой. УВЫ, Елена никак не понимает «всей естественности подобных противоречий» артиста. Отсутствие характера в человеке всегда возмущало ее, глупость сердила, ложь она не прощала. Стоило кому-то потерять ее уважение, и тот переставал существовать для нее.

Елена Николаевна натура незаурядная. Ей только что исполнилось двадцать лет, она привлекательна: высокого роста, с большими серыми глазами и темно-русой косой. Во всем ее облике есть, однако, что-то порывистое, нервическое, что нравится не каждому.

Ничто никогда не могло удовлетворить ее: она жаждала деятельного добра. С детства тревожили и занимали ее нищие, голодные, больные люди и животные. Когда ей было лет десять, нищая девочка Катя стала предметом ее забот и даже поклонения. Родители очень не одобряли это ее увлечение. Правда, девочка скоро умерла. Однако след от этой встречи в душе Елены остался навсегда.

С шестнадцати лет она жила уже собственной жизнью, но жизнью одинокой. Ее никто не стеснял, а она рвалась и томилась: «Как жить без любви, а любить некого!» Шубин быстро был отставлен по причине своего артистического непостоянства. Берсенева же занимает ее как человек умный, образованный, по-своему настоящий, глубокий. Вот только зачем он так настойчив со своими рассказами об Инсарове? Эти рассказы и пробудили живейший интерес Елены к личности болгарина, одержимого идеей освобождения своей родины. Любое упоминание об этом будто зажигает в нем глухой, неугасимый огонь. Чувствуется сосредоточенная обдуманность единой и давней страсти. А история его такова.

Он был еще ребенком, когда его мать похитил и убил турецкий ага. Отец пытался отомстить, но был расстрелян. Восемью лет, оставшись сиротой, Дмитрий прибыл в Россию, к тетке, а через двенадцать вернулся в Болгарию и за два года исходил ее вдоль и поперек. Его преследовали, он подвергался опасности. Берсенева сам видел рубец — след раны. Нет, Инсаров не мстил аге. Его цель обширнее.

Он по-студенчески беден, но горд, щепетилен и нетребователен, поразительно работоспособен. В первый же день по переезде на дачу к Берсеневу он встал в четыре утра, обегал окрестности Кунцева, искупался и, выпив стакан холодного молока, принялся за работу. Он изучает русскую историю, право, политэкономия, переводит болгарские песни и летописи, составляет русскую грамматику для болгар и болгарскую для русских: русскому стыдно не знать славянские языки.

В первый свой визит Дмитрий Никанорович произвел на Елену меньшее впечатление, чем она ожидала после рассказов Берсенева. Но случай подтвердил верность оценок Берсенева.

Анна Васильевна решила как-то показать дочери и Зое красоты Царицына. Отправились туда большой компанией. Пруды и развалины дворца, парк — все произвело прекрасное впечатление. Зоя недурно пела, когда они плыли на лодке среди пышной зелени живописных берегов. Компания подгулявших немцев прокричала даже бис! На них не обратили внимания, но уже на берегу, после пикника, вновь встретились с ними. От компании отделился мужчина, огромного роста, с бычьей шеей, и стал требовать сатисфакции в виде поцелуя за то, что Зоя не ответила на их бисирование и аплодисменты. Шубин витиевато и с претензией на иронию начал увещевать пьяного нахала, что только раззадорило его. Тут вперед выступил Инсаров и просто потребовал, чтобы тот шел прочь. Быкоподобная туша угрожающе подалась вперед, но в тот же миг покачнувшись, оторвалась от земли, поднятая на воздух Инсаровым, и, бухнувшись в пруд, исчезла под водой. «Он утонет!» — закричала Анна Васильевна-359

на. — «Выплывет», — небрежно бросил Инсаров. Что-то недоброе, опасное выступило на его лице.

В дневнике Елены появилась запись: «...Да, с ним шутить нельзя, и заступиться он умеет. Но к чему эта злоба?.. Или <...> нельзя быть мужчиной, бойцом, и остаться кротким и мягким? Жизнь дело грубое, сказал он недавно». Тут же она призналась себе, что полюбила его.

Тем большим ударом оказывается для Елены новость: Инсаров съезжает с дачи. Пока лишь Берсенева понимает, в чем дело. Друг как-то признался, что если бы влюбился, то непременно уехал бы: для личного чувства он не изменит долгу («...Мне русской любви не нужно...»). Услышав все это, Елена сама отправляется к Инсарову.

Тот подтвердил: да, он должен уехать. Тогда Елене придется быть храбрее его. Он, видно, хочет заставить ее первой признаться в любви. Что же, вот она и сказала это. Инсаров обнял ее: «Так ты пойдешь за мной повсюду?» Да, пойдет, и ее не остановит ни гнев родителей, ни необходимость оставить родину, ни опасности. Тогда они — муж и жена, заключает болгарин.

Между тем у Стаховых стал появляться некто Курнатовский, обер-секретарь в сенате. Его Стахов прочит в мужа Елене. И это не единственная опасность для любящих. Письма из Болгарии все тревожнее. Надо ехать, пока это еще возможно, и Дмитрий начинает готовиться к отъезду. Раз, прохлопотав весь день, он попал под ливень, вымок до костей. Наутро, несмотря на головную боль, продолжил хлопоты. Но к обеду

появился сильный жар, а к вечеру он слег совсем. Восемь дней Инсаров находится между жизнью и смертью. Берсенева все это время ухаживает за больным и сообщает о его состоянии Елене. Наконец кризис миновал. Однако до настоящего выздоровления далеко, и Дмитрий еще долго не покидает своего жилища. Елене не терпится увидеть его, она просит Берсенева в один из дней не приходить к другу и является к Инсарову в легком шелковом платье, свежая, молодая и счастливая. Они долго и с жаром говорят о своих проблемах, о золотом сердце любящего Елену Берсенева, о необходимости торопиться с отъездом. В этот же день они уже не на словах становятся мужем и женой. Свидание их не остается тайной для родителей.

Николай Артемьевич требует дочь к ответу. Да, признается она, Инсаров — ее муж, и на будущей неделе они уезжают в Болгарию. «К туркам!» — Анна Васильевна лишается чувств. Николай Артемьевич хватается за руку, но в это время Шубин кричит: «Николай Артемьевич! Августина Христиановна приехала и зовет вас!»

Через минуту он уже беседует с Уваром Ивановичем, отставным шестидесятилетним корнетом, который живет у Стаховых, ничего не делает, ест часто и много, всегда невозмутим и выражается примерно так: «Надо бы... как-нибудь, того...» При этом отчаянно помогает себе жестами. Шубин называет его представителем хорошего начала и черноземной силы.

Ему Павел Яковлевич и высказывает свое восхищение Еленой. Она ничего и никого не боится. Он ее понимает. Кого она здесь оставляет? Курнатовских, да Берсеневых, да вот таких, как он сам. И это еще лучшие. Нет пока у нас людей. Все либо мелюзга, гамлетики, либо темнота и глушь, либо переливатели из пустого в порожнее. Кабы были меж нами путные люди, не ушла бы от нас эта чуткая душа. «Когда у нас народятся люди, Иван Иванович?» — «Дай срок, будут», — отвечает тот.

И вот молодые в Венеции. Позади трудный переезд и два месяца болезни в Вене. Из Венеции путь в Сербию и потом в Болгарию. Остается дожидаться старого морского волка Рендича, который переправит через море.

Венеция как нельзя лучше помогла на время забыть тяготы путешествия и волнения политики. Все, что мог дать этот неповторимый город, любящие взяли сполна. Лишь в театре, слушая «Травиату», они смущены сценой прощания умирающей от чахотки Виолетты и Альфреда, ее мольбой: «Дай мне жить... умереть такой молодой!» Ощущение счастья оставляет Елену: «Неужели же нельзя умолить, отвортить, спасти <...> Я была счастлива... А с какого права?.. А если это не дается даром?»

На другой день Инсарову становится хуже. Поднялся жар, он впал в забытие. Измученная, Елена засыпает и видит сон: лодку на Царицынском пруду, потом оказавшуюся в беспокойном море, но налетает снежный вихрь, и она уже не в лодке, а в повозке. Рядом Катя. Вдруг повозка летит в снежную пропасть, Катя смеется и зовет ее из бездны: «Елена!» Она поднимает голову и видит бледного Инсарова: «Елена, я умираю!» Рендич уже не застает его в живых. Елена упростила сурового моряка отвезти гроб с телом мужа и ее саму на его родину.

Через три недели Анна Васильевна получила письмо из Венеции. Дочь едет в Болгарию. Для нее нет теперь другой родины. «Я искала счастья — и найду, может быть, смерть. Видно... была вина».

Достоверно дальнейшая судьба Елены так и осталась невыясненной. Некоторые поговаривали, что видели ее потом в Герцеговине сестрой милосердия при войске в неизменном черном наряде. Дальше след ее терялся.

Шубин, изредка переписываясь с Уваром Ивановичем, напомнил ему давний вопрос: «Так что же, будут ли у нас люди?» Увар Иванович поиграл перстами и устремил вдаль свой загадочный взор.